

Гр. Ал. К. Толстой.

Съ акварели, принадл. Г-жъ Хитрово.

*РИСУНКИ ШВАРЦА КЪ ДРАМАТИЧЕСКИМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ
ГР. А. К. ТОЛСТОГО.*

Историкъ нашего театра XIX столѣтія отмѣтитъ вторую половину шестидесятихъ годовъ какъ поворотный пунктъ въ дѣлѣ строго-археологическаго характера, постановокъ пьесъ изъ древне-русскаго быта. Севастопольскій погромъ, почти совпавшій съ тысячелѣтіемъ Россіи, далъ толчекъ національному самосознанію, заставилъ оглянуться на себя и на свое прошлое. Шестидесятые года стряхнули съ себя все ложное и условное, все слащаво-романтичное, что наросло въ области искусствъ.

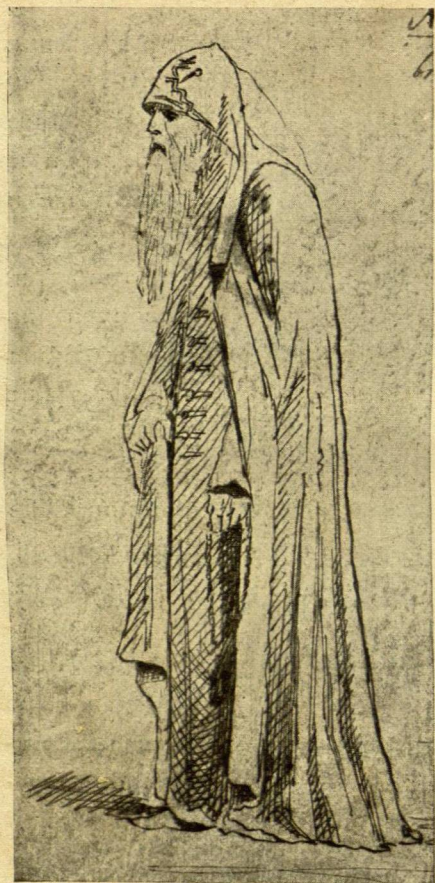

*«Смерть Іоанна Грознаго», гр. Ал. Толстого.
Царь Іоаннъ.
Съ подлиннаго рисунка В. Шварца.*

Недавніе боги рухнули, и на смѣну имъ явились новыя. Фетотовъ въ живописи заслонилъ Брюллова, и трансформировался въ Перова. Кукольникъ, Полевой и Зотовъ померкли. Въ театрѣ вспомнили про Глинку, и даже про Пушкина. Археологія вступила въ новый фазисъ. Стали предъявляться новыя требованія къ воспроизведенію на сценахъ родной старины.

Условный кокошникъ, условные сарафаны, поддевки, ямщицкія шапки съ павлиньими перьями,—все это стало казаться нелѣпымъ ненужнымъ маскарадомъ,—и явилось требованіе на возсозданія старины во всей ея пестрой характерности. Рѣзкій толчекъ къ такому повороту оказала постановка драмы гр. Ал. Толстого „Смерть Іоанна Грознаго“.

Исключительное общественное положеніе автора—сверстника и товарища игръ Императора Александра Николаевича, не только помогло про-

«Смерть Іоанна Грознаго», гр. Ал. Толстого.
Схемникъ.
Съ подлиннаго рисунка В. Шварца.

веденію пьесы черезъ тогдашнюю цензуру, но и вызвало распоряженіе—поставить драму какъ оперу, то есть не стѣсняясь въ расходахъ, заново, не пользуясь старымъ. На окликъ дирекціи явилась цѣлая фаланга талантливыхъ людей, которые и сумѣли положить основной камень правильному отношенію къ постановкѣ пьесъ изъ эпохи Московской Руси. Это были: Шварць, Прохоровъ, кн. Гагаринъ и Шишковъ, искренно и горячо отдавшіеся дѣлу, и вписавшіе свои имена золотыми буквами въ анналы театра.

Первый изъ нихъ—Шварць ¹⁾, прекрасный рисовальщикъ,—взялся въ легкихъ акварельныхъ наброскахъ воспроизвести всю галерею лицъ для „Смерти Іоанна Грознаго“. Шагъ за шагомъ, пользуясь совѣтами археологовъ, онъ создалъ рядъ прекрасныхъ рисунковъ, въ которыхъ чувствуется не только серьезное изученіе непосредственныхъ источниковъ, но и струя живого искреннаго художественнаго таланта. Въ рисовальщикѣ видно желаніе не только нарисовать кос-

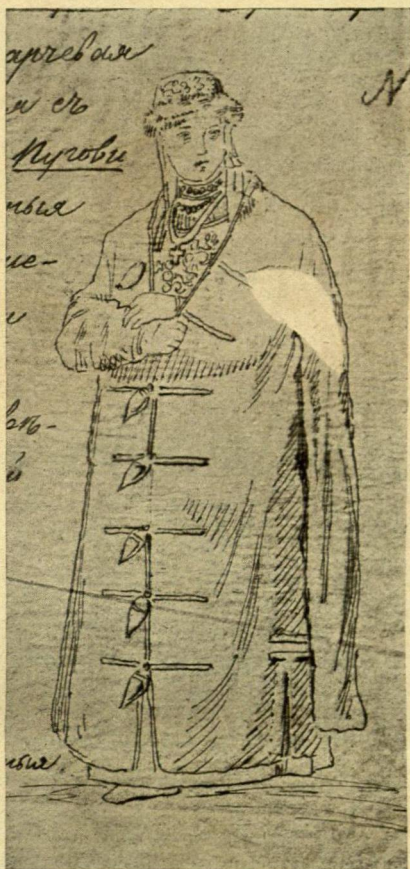
¹⁾ Вячеславъ Григорьевичъ Шварць (1838—1869) ученикъ В. Каульбаха, затѣмъ ревностный послѣдователь Мессонье—одинъ изъ талантливейшихъ представителей нашего художественнаго міра, оказалъ сильное вліяніе на цѣлый рядъ позднѣйшихъ художниковъ, превосходными композиціями изъ древне-русской жизни и иллюстраціями къ произведеніямъ А. К. Толстого.

твомъ, но и дать характерную фигуру дѣйствующаго лица, привести въ общую гармонию и одежду, и гримъ, и позу.

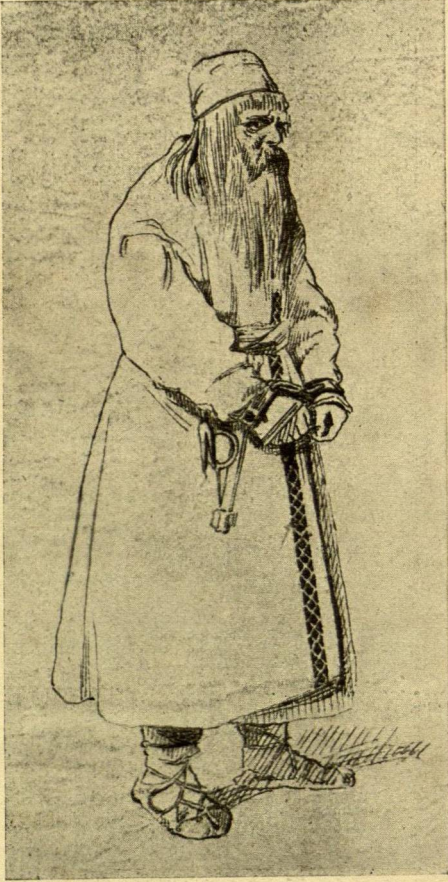
Одинъ изъ друзей этого рано-умершаго художника, извѣстный нашъ акварелистъ М. Г. Вилъе, въ своихъ воспоминаніяхъ о Шварцѣ рассказы ваетъ, какъ серьезно смотрѣлъ художникъ на свою задачу: „Шварцъ былъ такого мнѣнія,— рассказываетъ онъ,— что какъ бы ни былъ вѣренъ костюмъ данной эпохи, какъ бы удачно ни былъ выбранъ типъ, все таки этого еще мало. Есть еще нѣчто болѣе важное. Надо передать движеніе, свойственное эпохѣ. Въ данный моментъ, при одинаковыхъ условіяхъ, люди одного и того-же сословія, но различныхъ эпохъ, выражаютъ иными движеніями свои душевныя ощущенія. Онъ въ этой своей теоріи шель еще далѣе, увѣряя, что даже складки одежды, обусловливаясь нашими движеніями, должны носить на себѣ характеръ эпохи. Такъ что,— говорилъ онъ,— если бы теперь стали вдругъ носить костюмъ XVI вѣка, онъ бы на насъ сидѣлъ иначе, чѣмъ на людяхъ того времени. Задача художника—вжиться въ ту среду, обобщиться съ людьми того міра, сдѣлаться ихъ современниками, жить ихъ жизнью“.

Понятно, что поставивъ себѣ такую строгую задачу, Шварцъ далъ совершенно исключительныя работы. Изъ всѣхъ коллекцій въ этомъ родѣ, вровень съ его коллекціей костюмовъ къ „Смерти Грознаго“ можно поставить только галерею типовъ, нарисованныхъ Викторомъ Васнецовымъ для „Снѣгурочки“ Островскаго. И тотъ, и другой художникъ дали не только костюмы, но и типы дѣйствующихъ лицъ, предоставивъ артистамъ богатѣйшій матеріалъ для внѣшняго созданія типа.

Рисунки Шварца были сданы въ собственность дирекціи театровъ.

«Смерть Іоанна Грознаго», зр. Ал. Толстого.
Царевна Марія Григорьевна.
Съ подлиннаго рисунка В. Шварца.

*«Смерть Іоанна Грознаго», гр. Ал. Толстого.
Волхов.*

Съ подлиннаго рисунка В. Шварца.

Здѣсь ихъ передали въ вѣдѣніе монтировочнаго отдѣленія и они значительно пострадали отъ непосредственнаго соприкосновенія съ закройщиками и швецами. Никто не придавалъ значенія этимъ художественнымъ наброскамъ. Къ счастью, въ послѣдствіи нашлись лица, которыя рѣшились собрать священныя реликвіи, и составить изъ нихъ альбомъ. Шестъ изъ этихъ рисунковъ мы и воспроизводимъ на страницахъ „Ежегодника“. — Изъ нихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе превосходная фигура царя, являющаяся дубликатомъ фигуры въ композиціи Шварца „Иванъ и Поссевинъ“.

Сказать, что рисунки Шварца безупречны съ археологической стороны—нельзя. Въ послѣднія тридцать лѣтъ археологія сдѣлала значительные шаги впередъ и теперь кое-что у Шварца кажется ошибочнымъ. Уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія археологъ В. А. Прохоровъ каялся въ своихъ ошибкахъ, навязанныхъ имъ Шварцу. Но все-же и до сихъ поръ даже съ научной стороны изображенія Шварца заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Быть можетъ главнѣйшей его ошибкой, была ошибка всѣхъ художниковъ, возсоздающихъ историческій жанръ. Они слишкомъ останавливаются на показныхъ одеждахъ,—и заставляютъ людей въ ихъ домашнемъ быту ходить въ праздничныхъ или официальныхъ костюмахъ. Какъ въ настоящее время, военный парадный мундиръ, или священническая риза есть атрибутъ показной пышности, а не домашній костюмъ военнаго человека или священника,—такъ и въ старое время, конечно, дома бояре не ходили въ собольихъ шубахъ, или шитыхъ жемчугами кафтанахъ, а

носили рубашки, халаты и туфли. Да и по улицамъ Москвы, грязнымъ и узкимъ, разумѣется, не ходили они въ бѣлыхъ сафьянныхъ, шитыхъ каменьями, сапогахъ.—Происходитъ эта вѣчная ошибка оттого, что до насъ не дошли домашнія одежды людей средняго сословія. На портретахъ и картинахъ старыхъ художниковъ всегда фигурируютъ праздничныя одежды,—и только малые фламандцы да голландцы вводятъ насъ въ интимную среду домашняго обихода.

Тотъ-же упрекъ можетъ коснуться и талантливыхъ декорацій Шишкова, старавшагося передать всю красочную пестроту древнихъ теремовъ. Точно воспроизводя по реставраціямъ Солнцева покои дворца декораторъ забывалъ одно: всѣ эти покои были темны, мрачны, закоптѣлы. Все было придавлено, низко, скучено,—отъ всего пахло ладаномъ и кровью. Не даромъ Самозванецъ въ трагедіи Островскаго говорить, оглядывая золотую палату:

... по золотому полю

Тяжелое и строгое письмо...

Такъ прочно все, такое вѣковое...

. Расписанные своды

Гнетутъ меня, и непривѣтно смотрять,

Неродственно, таинственные лики

Изъ темной позолоты стѣнъ угрюмыхъ...

Вотъ этой угрюмости, тяжести, строгости и темной позолоты и не было въ декораціяхъ Шишкова. Все у него было весело, свѣтло, пестро и нарядно. Въ то-же время, въ покояхъ царя и царицы было на сценѣ мало уютности. Не чувствовалось, что здѣсь живутъ люди, что стулья, рундуки, аналои и пѣльцы годами выискивали и наконецъ нашли себѣ мѣсто въ углахъ, у оконъ, подъ образами и возлѣ печекъ. Режиссеръ въ то время смотрѣлъ на историческую пьесу, какъ на „кос-

«Смерть Іоанна Грознаго», гр. Ал. Толстото.
Витязевскій.
Съ подлиннаго рисунка В. Шевца.

тумную“,—и кромѣ двухъ кресель по обѣимъ сторонамъ авансены никакой иной мебели не признавалъ, отличая этимъ ее отъ современной жанровой комедіи.

Ошибка художниковъ того времени заключалась также въ томъ, что они рѣшительно не признавали западнаго вліянія на обстановку дворца и боярскихъ палатъ. А между тѣмъ несомнѣнно, что домъ Бориса, этого убѣжденнаго западника, носилъ не мало характерныхъ чертъ европейскаго убранства комнатъ. Мы не видѣли въ палатахъ Грознаго ни всевозможныхъ столовыхъ часовъ, ни портретовъ, ни венецейскаго хрусталя, ни французскихъ и англійскихъ тканей. Въ своемъ проектѣ постановки „Грознаго“ на сцену, гр. А. К. Толстой впрочемъ ничего не говоритъ объ этихъ подробностяхъ.

Тѣмъ страннѣе то обстоятельство, что много изъ дѣльныхъ предначертаній графа не было выполнено. Такъ напримѣръ, прекрасная мысль придать опочивальнѣ Іоанна (2 картина 1-го дѣйствія) видъ деревяннаго сруба, съ простой монашеской кроватью не была выполнена, и Грозный властитель каялся въ великолѣпно расписанной палатѣ. Даже потомъ, когда былъ напечатанъ уже „Проектъ постановки трагедій“, ни одинъ театръ не воспользовался указаніемъ автора, и все шло по старому.

Вообще установленный Шварцомъ и Шишковымъ характеръ обстановки „Смерти Грознаго“ явился прототипомъ всѣхъ дальнѣйшихъ постановокъ. „Василиса Мелентьева“, „Самозванецъ и Шуйскій“, „Царь Θεодоръ“, „Царь Борисъ“, даже пушкинскій „Борисъ Годуновъ“—все это

«Смерть Іоанна Грознаго», гр. А. К. Толстой.
Вологва.

Съ подмѣннаго рисунка В. Шварца.

ставилось по готовымъ рецептамъ. Талантливые художники дали настолько рѣзкіе и опредѣленные каноны, что отъ нихъ позднѣйшее поколѣніе декораторовъ и художниковъ не рѣшило отступить—и до послѣдняго времени все держалось въ предѣлахъ рабской подражательности.

Великолѣпная по роскоши постановка „Царя Бориса“ Толстого на Эрмитажномъ театрѣ въ костюмномъ отношеніи значительно превосходила декоративную сторону. Появились новыя сочетанія цвѣтовъ, кафтаны бояръ стали длиннѣе, пышнѣе, высокія горлатныя шапки, являвшіяся анахронизмомъ, были совершенно упразднены. Но и тутъ было слишкомъ много роскоши и блеска въ ущербъ правдѣ. И тутъ все было слишкомъ выложено, слишкомъ прилизано и отполировано,—мало было Азіи въ изображеніи московскаго быта и мало европейскихъ чертъ въ изображеніи западныхъ вѣяній.

Какъ будто нѣсколько новымъ воздухомъ повѣяло отъ постановки „Царя Θεодора Іоанновича“ въ московскомъ художественномъ театрѣ. Особенно заслуживала вниманія композиція декорацій, и желаніе отойти отъ шишковскаго шаблона. Но къ сожалѣнію съ технической стороны эти декораціи были выполнены очень слабо. Тоже должно сказать и про костюмы. Ловко скроенные и пригнанные, хорошо надѣтые, они въ то-же время совершенно не соответствовали эпохѣ. Но во всякомъ случаѣ, въ нихъ чувствовалось стремленіе сдѣлать шагъ впередъ, уйти отъ старыхъ прописей.

Время идетъ, и вмѣстѣ съ нимъ все требовательнѣе становятся запросы публики относительно точнаго воспроизведенія данной эпохи на сценѣ. Быть можетъ, рисунки Шварца съ археологической точки зрѣнія теперь мало удовлетворительны, но зато величайшимъ завѣтомъ, оставленнымъ имъ, являются тѣ его слова о задачахъ историческаго художника, которыя мы привели выше и которыя должны стать девизомъ дѣятельности каждаго добросовѣстнаго изобразителя старины.

Rectus.

